

Федор КОНЕВ

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Роман¹

Больше всего беспокоило Игоря то, что могут отключить телефон. Это обстоятельство и понуждало его посетить отца — надо было заплатить за квартиру, а с деньгами в последнее время не заладилось. Он даже представить не мог жизнь без интернета в долгие вечера одиночества. После работы Игорь поехал к родителю.

— Явление сына отцу! — картинно вскинул руки Василий Павлович, сидевший за просторным полукруглым столом.

Кресло из темной кожи с высокой спинкой крутнулось, Василий Павлович пружинисто поднялся. В этом господине было не узнать прежнего Васю, который хвостиком таскался за Арсением. За здоровьем он следил, тренажеров и баньки не чурался и всем своим существом излучал уверенность и энергичность.

— Вынужден встать перед таким редким гостем, — насмешничал он, да и встал явно для того, чтобы размяться.

Он был в безукоризненной белизны рубашке с галстуком, черных брюках из дорогого материала и штиблетах итальянской выделки.

Широкий стол не был завален бумагами, лежали всего два каких-то листика поодаль друг от друга, и стоял плоский монитор компьютера. На стенах комнаты нашла место только одна увеличенная фотография в рамке — хозяин рядом с мэром города. Отец сложил на груди руки и качнулся с носков на пятки и обратно, разглядывая сына — на голову ниже своего отпрыска, но куда увереннее и устойчивей на ногах.

— Понадобились деньги, — легко догадался он и вернулся в свое кресло.

— Я поступил на работу, — поспешил заверить сын.

— Кто этот безумец, который взял тебя на работу? Впрочем, быстро поумнеет и выгонит.

— У меня могут отключить телефон. Я прошу в долг.

¹ Продолжение. Начало в № 7 за 2024 г.

Елизавета ПОЛЕЕС

НАДО ЛЮБИТЬ

* * *

О молочную стену тумана
Я усталым плечом обопрусь...
Ах, зачем высота меня манит,
Если в пропасть сорваться боюсь?

Оттолкнусь — и, земли не почуяв,
Взмою ввысь я — была не была!..
То ли падаю, то ли лечу я
На надежды двух синих крылах?

* * *

Не бойся открытий, не бойся потерь.
Давно заколдована в прошлое дверь.

Не бойся отплытий больших кораблей.
За жизнь, что приснилась, бокалы налей.

Бокалы налей золотого вина.
Есть в жизни находки, не только вина.

До самого дна опрокинешь печаль —
И близкою станет далекая даль.

И станет серебряной песня ручья.
Ты тоже как песня:
для всех и ничья.

Людмила ЛАЗУТА

НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ

Рассказы

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Стрелка неумолимо приближалась к цифре 8. Мы общались уже около получаса, а она все говорила и говорила. Я очень внимательно слушала, стараясь до конца разобраться в мотивах поведения этой девочки-женщины, чтобы найти слова, которые помогут ей принять правильное решение. Уже с первых минут беседы было понятно, что передо мной нежная, чуткая, интеллектуальная личность, девочка-подросток с израненной душой. В ее взгляде — тревожном и быстром, в напряженной позе, в которой она сидела на краешке стула, чувствовались недоверие и боязнь очередной обиды и боли. Жалость сжимала сердце, я едва справлялась с собой, боялась слез, поэтому в голове мелькали мысли, что такое мое поведение непрофессионально, что не смогу оправдать ожидания этой девочки. Она же пришла получить конкретный ответ: как, где и когда можно сделать прерывание беременности в шестнадцать лет. Не дожидаясь вопросов, сразу же объявила, что надеется на конфиденциальность, что маме совсем ничего сказать нельзя. На вопрос: «А папе?» — моя собеседница нервно отвечала: «Нет, нет, нет! Ни в коем случае, он вообще с нами не живет!», при этом ее большие глаза стали еще более круглыми и погасшими. Я не знаю почему, но мне вдруг захотелось рассказать этой девочке коротенькую историю из моего детства, которую мне, уже девушке, пересказала моя мама.

...Мы жили в небольшой деревушке в шестьдесят дворов. Вокруг лес, неподалеку река — красота во все поры года. И девушки росли под стать природе — все как на подбор, красавицы. Так что свадьбы были частыми, женихи — большей частью из окрестных деревень. На одной из свадеб пригласилась Лидушка, подруга невесты, приезжему парню из «свиты» жениха. Зачастил Николай — так звали того парня — по субботним вечерам к нам в деревню, все лето слышали соседи звук его мопеда. Все знали: на танцы из-за Лиды приезжает. К осени танцевать в деревне стали реже: часть молодежи уехала учиться, работать, а Николай и вовсе перестал появляться. Лидка грустила, это было заметно даже нам, детворе. И почему-то замолкали женщины, увидев на улице Лиду, а потом что-то шепотом обсуждали.

Валерий Максимович

И ВСЕ МНЕ БЛИЗКО...

Из цикла «Мой мир»

* * *

С годами больше хочется познать
Мне счастье заповедное земное: —
Что есть оно? На вид оно какое,
И как его, скажите, называть?

Что счастье есть и где его искать:
В лесу дремучем или в чистом поле?
И выпадет ли все ж такая доля
Его своим мне счастьем назвать?

Поэт сказал (а может, мой собрат?):
«Пьем за любовь! Все остальное — шалость...
Людских сердец есть только солидарность
И душ влюбленных разноцветный сад».

Ах, мой поэт, мой брат, твои слова
Соседствуют приязненно с моими:
Ведь каждый день для нас неповторимый —
И с правдой, и с обманом пополам.

Ведь ты — поэт, душа твоя — без дна:
Она всечасно плачет и смеется,
Страдает, ждет и вдаль куда-то рвется, —
Ей нет покоя, ведь она — одна.

Дмитрий ВЛАСКО

ОТЕЦ

Рассказы

ВОЛЧИЙ ВСАДНИК

Волка скорее
Из стойла выведи,
Пусть он поскачет.
«Песнь о Хюндле»

Человек может подружиться с волком,
даже переломать волка, но никто
не может в полной мере приручить волка.

Джордж Мартин. «Танец с драконами»

Большой волк, он же северный волк, или большак, по латыни *Canis lupus magnus*, — один из самых крупных хищников на Земле. Внешне, как и любой волк, большак похож на остроухую собаку. Но на очень большую, мускулистую собаку. Конечно, до размеров кита или акулы, или даже морского слона большак не дотягивает, а вот если сравнивать с тигром или медведем — еще вопрос, кто крупнее.

В холке большие волки достигают до полутора метров, и в длину, если мерить без хвоста, до двух, а то и двух с половиной. мех у них густой и довольно длинный, что зрительно делает волков еще больше. Вес в зависимости от пола, размеров и накопленного жира бывает от двух до четырех центнеров.

Большаки — сильные и выносливые звери, которые, двигаясь со скоростью до двадцати километров в час по бездорожью, могут за ночь преодолеть дистанцию в сто и более километров. При необходимости волк может идти по следу двое суток без передышки. За считанные секунды большак способен разогнаться до галопа, развивая скорость восемьдесят километров в час.

Большого волка можно назвать и «северным волком» — когда-то давно большаки жили практически на всем Севере: на Аляске, в Сибири и до западного побережья Норвегии, подтверждая правило Бергмана: «Чем холоднее климат,

тем крупнее животное». Общеизвестный факт: белые и кодыякские медведи больше своих сородичей, живущих в теплом климате, а амурские тигры массивнее бенгальских. Дело здесь в том, что чем крупнее животное, тем меньше отношение поверхности тела к его объему, а соответственно, и теплоотдача.

Везде, где бы они ни жили, северные волки были последними в пищевой цепочке, выполняя роль суперхищников. Но человек, куда бы он ни добирался, тоже претендовал на это звание и нещадно уничтожал конкурентов. Современные изнеженные или, что точнее, искаленные цивилизацией обыватели очень любят миф о слабости человека, который благоденствует лишь благодаря техническому прогрессу. Кажется, ведь и вправду — ни меха, ни когтей, ни клыков. Но в саваннах Африки аборигены до сих пор выходят против львов, имея в руке лишь примитивное копье с каменным наконечником. Количество львов постоянно снижается, а количество аборигенов растет. Вот и решайте, кто из них чаще одерживает победу. Так и получается, что практически все крупные хищники находятся на грани вымирания.

Еще лет двести назад эта судьба ждала и больших волков — в северной тайге и лесотундре оставалось не больше пары сотен этих животных. Животным повезло, что тогдашний король Готланда Хрёрик II очень своевременно издал указ о запрете охоты на них. Убийство северного волка, изображенного на гербе короля, приравнивалось в королевстве к убийству человека. Желающих поохотиться на большаков резко уменьшилось, тем более что кроме шкуры, которая никак не входила в понятие ценных мехов, такая охота ничего принести и не могла.

Волки, словно их кто-то проинформировал о столь важном указе, быстро сориентировались в происшедшем и расселились в Готланде. Территория королевства протянулась с востока на запад более чем на полторы тысячи километров — от восточной оконечности Куелнека, или, по-другому, Кольского полуострова, до центральной части Скандинавского полуострова, так что места волкам хватало.

Готланд неофициально делится на три больших части: до горного массива Хибины — Куелнек, омываемый морями, Лапландия и самая северная часть — Йетунхейм. Вся земля эта представляет собой сочетание плоскогорий, которые прорезают многочисленные речные долины и горные ущелья с фьельдами — некрутыми платообразными горами. Такой своеобразный пейзаж появился благодаря леднику, который, медленно отступая на север, оставлял после себя моренные гряды, озерные котлованы и камы. Тундра, лесотундра, тайга с болотами и озерами да шапки ледников на более высоких горах типа Кебнекайсе, Сарекчокко, Акка. На самом крупном плоскогорье Финмаркен, что в Йетунхейме, расположено и самое большое в королевстве озеро площадью почти сотню квадратных метров — Йиешъяврре. Между прочим, именно здесь растет самый северный на Земле сосновый лес. Самый большой фьорд — Алтафьорд, длиной в сорок километров, тоже находится в Йетунхейме, в устье реки Алтаэльв. Видимо, действительно когда-то в стародавние времена здесь жили йетуны — огромные великаны, дети Имира, древние исполины, первые обитатели мира, по времени предшествующие богам и людям. Такое же ощущение возникает и от природы плоскогорья — суровая и одновременно прекрасная, оставляющая ощущение первозданности, с непередаваемыми красками закатов и восходов, очарованием белых ночей и волшебством северного сияния.

Несмотря на то, что практически все королевство находится за полярным кругом, зимы здесь редко бывают очень морозными, зато они снежные, с затяжными метелями. Лето — прохладное, облачное, с проливными дождями и грозами, изредка бывает даже снег. Тем не менее летом почти вся территория покрывается буйной растительностью. Растения словно спешат насытиться солнечным светом за короткий промежуток времени, отведенный им природой.

Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ

МНЕ БЫ ВЫЙТИ В РОСУ...

ПОД ЗВЕЗДНОЮ ИКОНОЙ

Он пережил две мировых войны.
Пять поколений окружил заботой.
Здесь по утрам всегда пекли блины
И прибирались каждую субботу.

В нем бегали детишки босиком
И старики кряхтели пред иконой.
Всех согревал уютный добрый дом,
Покрытый краской матово-зеленой.

Он с болью провожал в последний путь
Родных, которых пестовал с рожденья,
И свято верил, что когда-нибудь
Они вернутся в новых поколениях.

Пусть прохудилась крыша — не беда,
Пусть небольшие окна слеповаты
И в отраженьи старого пруда
Он видит очертанья древней хаты —

Он все же — ДОМ. Быть родовым гнездом
Ему отрадно полтора столетья.
И находится долго под замком
Бойтся он сильнее всего на свете.

...Хоть у домов не видно седины,
И пусть за скрипом не слышны их стоны —
Они любви, как ангелы, полны,
Молясь за нас под звездною иконой.

Дарья ДОРОШКО

ОДНУШКА

Лирические миниатюры

ЖИЛ ДА БЫЛ БЕЛЫЙ СВИТЕР

Белому Свитеру было два года. В год своего рождения он был куплен в универмаге, на третьем этаже, в отделе женской одежды. Куплен не один, а вместе с единовязанным братом-близнецом — Черным Свитером. Но на гастроли актриса взяла именно его, а не брата. Он казался ей наряднее, что ли. Хотя они оба были связаны неприятязательной машинной резинкой, но он был чуточку поплотнее и воротник у него был короче. И водолазка-не водолазка, и гольф-не гольф, а вот поди ж ты — именно его захотела взять и взяла в эту поездку в Минск актриса. Из упрямства, вопреки рацио, логике и практичности, предпочла единственный маркий свитер из всего своего гардероба. Взяла и увезла на себе. А черный собрат остался дома.

Его гладили, в его рукава засовывали руки погреться: левую в правый, правую — в левый. Засовывали, словно обнимали себя — и его! — сведа руки на груди. Он любил эти моменты, когда актрисе было зябко в комнате общежития, где разместили их театр. Эгоист, чего уж тут! Но он ведь согревал Человека и гордился этим. Гордился и любил этого своего Человека. Пушился и пытался растопорщиться всеми своими коротенькими ворсинками-паутинками неприятязательной машинной вязки. И от этого становился теплее. Актриса тоже любила свой Белый Свитер. А иначе зачем бы она взяла его с собой, на себе, в столицу?..

А еще актриса любила актера, который об этом не знал. Потому что она была хорошая актриса и умела прятать свои чувства. Прятать глубоко под Белый Свитер, в самое сердце. Конечно же, Белый Свитер знал это. И ревновал своего Человека к чужому.

Однажды актриса завтракала в своей комнате яблочным йогуртом и черным кофе. Дверь она не закрыла, и ей было хорошо слышно, как актер в соседней комнате сказал кому-то, что некоторым можно и вовсе не завтракать и что это только пойдет на пользу их фигуре. Актриса поняла, что эти слова звучат сейчас именно для нее. Глупые беспардонные слова глупого любимого актера. Свитер напрягся всеми своими шерстинками, потом сжался — в такт

дыханию своего Человека, — и черный горячий кофе плеснулся из чашки на грудь им обоим. Горячие темные капли аккуратно напротив сердца — тайна крови, выплеснувшаяся наружу. И в тот же миг остывшая, замершая до первой хорошей стирки. Белый Свитер сопротивлялся. Он не хотел, чтобы пятно отстиралось слишком быстро. Его Человек должен был надолго запомнить те слова. Так он считал. И был прав, конечно. И не только потому, что банально ревновал, а потому, что такие слова надо помнить...

Черный Свитер встретил их дома без злорадства, он был чуточку полегче белого и воротником повыше. И вообще, он был более самодостаточный и ни к кому не привязан. Его иногда одалживали засидевшейся подруге, чтобы та не замерзла по дороге домой, а он и не возражал — любил ветер и перемены.

Это его и истрепало раньше Белого.

Уже много позже актриса отдала его, слегка заштопанного напротив сердца, своему другу для домашней носки. Все-таки она его любила, этот Черный Свитер, и потому позволила дожить остатки дней на любимой груди, любимых руках, любимых плечах своего самого любимого мужчины, мягко и уютно согревая его в знобкий доотопительный сезон.

На днях Белому Свитеру исполнилось двадцать четыре года. Его любили и берегли и, в силу возраста, ценили. Растянутый, уютный и домашний, он уже вовсе перестал пушиться, а на груди его проступали маленькие дырочки износа и истрепа. Но его носил его любимый Человек, и он продолжал жить!

Однажды актриса завтракала в спальне своей новой квартиры клубничным йогуртом и черным кофе. Их принес ей в постель ее любимый мужчина, ее муж. Белый Свитер не ревновал своего Человека к этому мужчине. Свитер принял его как часть души своего Человека и даже немного полюбил. Когда актриса поднесла к губам чашку, они оба, и Свитер, и актриса, будто что-то вспомнили. Свитер так точно вспомнил! И рука актрисы дрогнула — кофе пролился на грудь, аккуратно напротив сердца. Растекся темным пятном прошлого. И актриса подумала вдруг об одном глупом беспардонном актере.

Но Свитеру было уже все равно: об актрисе было кому позаботиться, а ему предстояла последняя стирка...

ОДНУШКА

У Дивана были мягкие ворсистые подлокотники и любимый красно-желтый плед в клеточку. А еще он очень любил, когда к его спинке прижималась Марина, молодая хозяйка Однушки, в которой он, Диван, занимал самое почетное место у окна. Иногда на пледе оставались светлые Маринины волосы, особенно после тягостного беспокойного сна, когда ей снилась стая взбесившихся собак, гнавшая через весь опаленный пожаром город белую, в сажу, кошку, которой в этом сне была она, Марина. Обычно из таких снов она вырывалась с криком, на самой последней грани вдруг уразумев, что весь этот кошмар не что иное, как сон, всего лишь сон и ничего более. Потом она долго пила кофе в небольшой кухне, глядя ласково мурчащую любимицу Мусю с белой в подпалинах шерстью и апельсиновыми глазами.

Когда хозяйка уходила на работу, Муся приходила к Дивану и, закутываясь в плед, как это умеют только кошки, и стараясь не поцарапать обивку, рассказывала ему о своих

сновидческих проказах. Впервые услышав о вытворяемых Мусей проделках, Диван был в шоке. Ему было до пружинного стога жалко свою любимую хозяйку, и он был зол на кошку, из-за которой Марина частенько уходила на работу невыспавшаяся, в странной задумчивости. Но потом Диван понял, что во время подобных снов сам он ощущает нечто такое, что не идет ни в какое сравнение даже с летним полуденным солнцем, жарко ласкающим его ворс лучами, заливающими выходящее на юг окно.

Ему было томно и радостно, он ощущал себя живым. Да, эгоистом, но все муки совести затмевало ощущение беззащитного тела Марины, в удушающем кошмаре мечущейся на нем и опаляющей его ворс горячим влажным выдохом и ужасом последнего отчаянного крика уже за гранью пробуждения.

Рядом с Диваном, страстно завидуя ему, грустил старый немодный Торшер оранжевого цвета, подарок Марине на день рождения от кого-то из ее коллег по библиотеке, где она работала. Торшер не просто грустил — он осуждал Диван всеми гранями своего абажура и, как уже было сказано, страстно завидовал ему. Он любил хозяйку той торшерной любовью, на которую только и мог быть способен тот, кто дарит свет. Но он не получал никакой отдачи, и в этом была его трагедия. Да, Марина частенько читала под ним старые бумажные книги, но все эмоции, генерируемые ею, доставались этой пушистой в подпалинах ведьме, которая жадно впитывала их через прикосновения нежных женских рук, то рассеянно поглаживающих подставляемый ею пузик, то ласково треплющих любимицу за ушками. Ему же, Торшеру, перепадало лишь усталое небрежное касание уже сонной руки — и наступала тьма, равносильная смерти, в которую погружалась вся Однушка.

Однушка же была счастлива, безоглядно, бессовестно счастлива тем, что наконец-то в ней поселилась мечта всей ее жизни — несравненная блистательная Марина, которую Однушка помнила по своей прошлой жизни, в которой она, частично, конечно, одной лишь бетонной плитой, была еще совсем неразумным, почти не осознающим себя привокзальным Туалетом, в который забежала приехавшая поступать в библиотечный техникум выпускница одной из сельских школ.

Татьяна ОБУХОВСКАЯ

ВЫБОР

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Все решено — прощайте навсегда!
Мой мир теперь напололам расколот...
Я отдала вам лучшие года,
А что взамен? Предательство и холод.

Вас утомила преданность моя?
Все нежности ужель вы позабыли?
Я думала — мы лучшие друзья,
Я думала, что вы меня любили!

Уйду от вас во тьму, уйду навек
Туда, где снег метет и воет вьюга.
Пойми, недальновидный человек,
Надежней кошки ты не сыщешь друга.

Надумали ребенка завести,
Для вас теперь младенец — свет в окошке.
Не понимаю, господи прости:
Чем маленький ребенок лучше кошки?

Родится он — забудете покой.
И почему-то мне сейчас сдается,
Что деспот, даже маленький такой,
Он деспотом навеки остается.

Да вы б еще собаку завели!
Не зря у мудрецов бытует мненье:
Коты и кошки — это соль земли,
Все остальное — просто дополненье.

Покинуть этот лицемерный дом,
Обиды горечь глубоко запрятав.
Под бурями, под снегом, под дождем
Бежать... В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!

Так думала Анфиса у окна
И тихо лапкой слезы вытирала,
А полная смешливая луна
С ней лунным зайчиком, как солнечным, играла.

Тут женщина тихонько подошла
(А взгляд у кошки — словно блеск кинжала).
И на руки любимицу взяла,
И ласково ее к себе прижала.

Под платьем, там у женщины внутри
(Хотя Анфиса видела немало),
Ребенок был! Он с кошкой говорил!
Он говорил! А кошка понимала!

Он говорил, когда пройдет зима,
Наступит март, вернутся с юга птицы,
Коты и люди враз сойдут с ума,
А он тогда на белый свет родится.

Все вместе будут в этом доме жить,
Исполненном тепла, уюта, ласки.
Он очень хочет с кошкою дружить,
А по ночам рассказывать ей сказки.

Анфиса вздрогнула: перевернулся мир,
Так чудеса умеют делать дети.
Да Он теперь навек — ее кумир!
Лишь для Него она живет на свете!

Мужчина тихо обнял всех троих
И улыбнулся ласково супруге.
И ветер за окошком вдруг затих,
Не стало слышно ни пурги, ни вьюги.

«Да, на Земле всего важней — семья!
Одна минута жизнь перевернула.
Но все же главной в доме буду я!» —
Подумала Анфиса и уснула.

Каким ты был...

Он всегда любил мечтать. Очень рано оставшись сиротой, воспитывался приемной матерью. Почему-то в пять лет уже писал и читал и даже сочинял сказки, хотя и не мог вспомнить, кто научил его грамоте: приемная мать могла написать только свою фамилию, да и не до того было ей, в голодное послевоенное время едва сводившей концы с концами. Ведь приходилось кормить двоих детей: своего и чужого. В 8 лет, случайно узнав, что мать, которую он обожал, — приемная, сбежал из дома.

Скитался, попадал в детприемники, детдома и каждую весну, собрав небольшой мешочек с сухарями, убегал снова. Воровать не умел. Поэтому голодал, ел траву, рад был и заплеванной корке на вокзале, попадал в компании таких же беспризорников, которых после войны было великое множество, ездил с ними в «собачьих ящиках» (были внизу под вагонами такие), на крышах вагонов — в надежде попасть в благословенную теплую и сытую страну. Много видел — и плохого, и хорошего, много читал. Книга стала главным сокровищем. При возможности помогал разгружать вагоны с макулатурой, не только из-за того, что так можно было заработать несколько копеек, но главным образом потому, что там, в развалах, можно было отыскать драгоценную приключенческую книжку.

Первые рассказы были напечатаны в многотиражке велозавода, где он работал с двадцати лет и где вскоре стал членом литстудии и, гораздо позже, ее руководителем.

Страстно любил фантастические книги, которые в те времена и найти-то было непросто. В конце 80-х и в 90-е по возможности скупал все, что попадалось. И писал сам. Сказки, автобиографические повести, как сейчас сказали бы, нон-фикшн, фантастические рассказы. В 1981 году стал лауреатом конкурса самого популярного в ту пору в Белоруссии журнала «Нёман». Впрочем, принес он в редакцию всего лишь маленький рассказик о детстве. Но редактор отдела прозы Владимир Александрович Жиженко, ознакомившись с текстом, сказал, что напечатает рассказ только в том случае, если Анатолий Федорович пообещает написать продолжение. Так родилась первая повесть «Здравствуй, мама!», позже изданная тиражом в 75 тысяч экземпляров в издательстве «Юнацтва». Потом появились «Колющие одуванчики», книга, написанная от лица подростка и продолжающая — конечно, с большой примесью фантазии — автобиографическую тему. Написаны и изданы были пять повестей-сказок.

Работал Анатолий Моисеев и в сатирическом жанре. Будучи внешкором нескольких газет, нередко писал фельетоны, юморески, иронические рассказы.

А вот фантастические рассказы печатались редко. Может быть, и потому, что автор опережал время? Казалось, что слишком уж абстрактны и далеки от реального мира были фантасмагории автора. Но вот стремительно летящее время как-то все более и более начало

приближать нас к новым технологиям, новым реалиям. И то, что казалось не так давно просто абстрактным полетом фантазии или досужим вымыслом, начало постепенно входить в сегодняшний день.

Рассказ «Каким ты был, человек?» написан Анатолием Моисеевым еще в далекие 70-е годы прошлого столетия.

Елизавета Полеев

Анатолий МОИСЕЕВ

КАКИМ ТЫ БЫЛ, ЧЕЛОВЕК?

Рассказ

Не открывая глаз, Грохотов сладко потянулся. Словно только и дожидаясь этого момента, в память ворвался бархатный, возбужденно-ликующий баритон заместителя директора института нейрохирургии Говорунова:

—...Итак, мы можем смело утверждать: мечта человечества осуществилась! Люди с пересаженным мозгом живут и здравствуют уже не один год! Блестящие опыты профессора Грохотова открыли новую эру в истории человечества. Даже не заглядывая далеко в будущее, мы уже сейчас можем увидеть, что дало человечеству наше открытие. Мы находимся на пороге времени, когда люди с такой же легкостью, как мы сегодня удаляем аппендикс, будут проводить безболезненные операции по пересадке мозга не только в другие тела, но и — кто знает! — в новые, легкосменяемые, вечные искусственные оболочки. Что из этого получится, трудно сейчас представить. Несомненно одно: люди будущих поколений будут всегда преклоняться перед гениальным достижением Ивана Емельяновича Грохотова. Сегодня, отправляя профессора, по его желанию, в Будущее, пожелаем нашему горячо любимому коллеге счастливого и доброго пути! Не забывайте нас, дорогой Иван Емельянович. И мы, ваши скромные друзья и помощники, будем всегда помнить вас.

Грохотов хмыкнул: «Проникновенно сказал, каналья! Не иначе, на директорское место позарился. И как только бездари умудряются вползать во все щели — уму непостижимо. Однако почему я не слышу никакого движения?» — Профессор забеспокоился и открыл глаза.

В ту же секунду присоски, опутывающие его тело, отклеились, биохимическая жидкость, в которую он был погружен, мгновенно испарилась.

Что-то щелкнуло, и крышка саркофагообразной ванны бесшумно отошла в сторону. Грохотов счастливо улыбнул-

ся: «Все в порядке. Техника исправна. Ну, кто меня первым приветит?» Вокруг царил тишина. «Да-а! — уже с некоторым раздражением поморщился Грохотов. — Опять, должно быть, все на совещание ушли. Нет, надо, наконец, в институте навести порядок!» — и, не слишком интеллигентно помянув чью-то мать, перевалился за борт ванны. Ноги чуть ли не по колено утонули в густой пыли.

— Что за дела?! — возмутился Иван Емельянович, брезгливо поморщившись. — Да здесь, наверное, сотню лет не убирали! Неужели до сих пор уборщицу не могут найти?! — Закипая гневом, он осмотрелся. Вернее, попытался что-либо рассмотреть. Но, кроме чуть заметного мерцания, исходящего от ванны, ничего не увидел: все скрывала густая вязкая мгла. И только когда глаза немного привыкли к темноте, заметил поодаль какой-то предмет. «Может, стул с одеждой для меня?» — приободрился Грохотов. Осторожно переступая ногами и пугливо (как-никак в костюме библейского Адама) поглядывая по сторонам, подошел к стулу и тут же отпрянул в сторону: от первого же прикосновения тот мягко... рассыпался в прах. Холодок ужаса скользнул по лопаткам: да что же это такое?!

— Эй, есть здесь кто живой? — негромко позвал он.

Молчание.

— Эге-гей! Отзовитесь! — уже громче подал голос профессор.

В ответ — безмолвие.

— Лю-уди-и, на по-омощь!!! — он орал уже во всю мощь легких. Но даже эхо не откликнулось... Ужас заставил забыть его обо всем. Не обращая внимания на взметнувшуюся столбом пыль, Иван Емельянович бросился к двери (инстинктивно почувствовав ее месторасположение) и толкнул ее. Как и стул, та тут же рассыпалась. А за ней... за ней руки нащупали... землю. «Заживо погребен!» — жуткое предположение сжало сердце. Ни о чем уже больше не думая, по-щенячьи повизгивая, Грохотов голыми руками принялся лихорадочно отбрасывать в сторону мягкий — к счастью! — грунт.

Солнце он увидел в тот момент, когда в сердце уже не оставалось никакой надежды. И только тогда из груди его вырвался вздох: «Уф-ф!» — радостный озноб пробежал по телу.

— Ну и дела! Как в могиле побывал! — Не обращая внимания на боль от ссадин и ушибов, с удвоенной энергией принялся он расширять лаз.

Прошло еще несколько минут — и вот он уже наверху. Выбираясь, профессор представлял себе небольшой островок зелени в институтском садике, мягкую сочную траву, кустарник, деревья. Ничего похожего наверху не было и в помине. Над головой низко-низко висело какое-то чужое, огромное оранжево-мохнатое солнце. Впереди и вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась бесконечная, ровная, словно залитая стеклом, блестящая равнина. Воздух был чистым, но каким-то разреженно-сухим, словно выпаренным. «Какой странный пейзаж! — удивленно покрутил головой Грохотов. — Как будто на другую планету попал».

Не успел он еще осмыслить увиденное, как прямо над ним послышался негромкий свист. Иван Емельянович вздрогнул: сверху спускался необыкновенный полупрозрачный полусферический аппарат, внутри которого плавала, переливалась странная желеобразная масса. Высота аппарата достигала трех с половиной метров. Остановившись в трех шагах от Грохотова, агрегат замер, словно робот в ожидании приказа. Но уже через секунду из ободка в основании механического предмета выскользнула пара тонких длинных шлангов наподобие щупалец, которые молниеносно протянулись к обнаженному торсу человека.

«Жизнь здесь какая-то ненастоящая...»

Отпускная переписка Михася Мушинского с родными

Письма, особенно по прошествии изрядного времени, могут незаметно становиться документами эпохи. Переписку гениальных и великих людей всегда активно издавали. Но и письма невыдающихся людей могут представлять бесспорный интерес.

В те времена, когда не было интернета, социальных сетей и мессенджеров, люди активно писали письма. Это был традиционный и надежный способ человеческих контактов. Часто ли пишут письма теперь? Деловые — да. А вот личные, внутрисемейные? Затрудняюсь сказать. Пишут посты в Facebook, размещают фото в Instagram. То есть потребность в общении по-прежнему велика, другое дело, что формы ее модернизировались. Но немыслимая скорость передачи информации имеет оборотную сторону. Что останется от эпохи? Имею в виду письменные источники. Собрание фейсбучных постов в двух томах? Возможно. Но уж никак не собрание сообщений в пяти!

В семье моих родителей существовала традиция: если кто-то далеко уезжал или улетал, то, прибыв на место, обязательно посылал домой короткую телеграмму. Она всех успокаивала. Письма писали много и часто. В той подборке, которая приведена ниже, — 20 писем из 15 авиаконвертов. Все они были написаны в августе 1978 года.

Обрисую время и место действия, а также основных героев — семью Мушинских. Итак, на календаре 1978 год. Для кого-то — расцвет социализма, для кого-то — время застоя. Я учусь на III курсе журфака БГУ, с охотой печатаюсь в республиканских СМИ. Брат Андрей пока учится в школе. Родителям еще нет 50 лет. Мама, Тамара Федоровна, преподает в школе русский язык и литературу. Папа, Михась Иосифович, — сотрудник Института литературы Академии наук. В 1975-м он издал капитальную монографию «Беларуская крытыка і літаратуразнаўства. 20—30-я гады». Это был итог многолетней исследовательской работы. Монография стала потом основой докторской, в том же 1978 году состоялась защита. Поскольку в советские времена докторские утверждались в Москве и соответственный диплом выдавала московская Высшая аттестационная комиссия, то вместе с объемной папкой документов надо было отослать и перевод книги. Все это требовало сил, времени, нервов и большого умственного напряжения. Конечно, после такой нагрузки требовался достойный отдых.

Предполагаю, кто-то с иронией может заметить: «О, так они на юга катались! Значит, хорошо жили!» Поездки к Черному морю в небольшой городок Хоста, который стал частью Сочи, начались для нашей семьи в 1976-м, когда я закончила I курс журфака. В санатории или дома отдыха попасть в те времена было очень сложно. В школе, где работала мама, у нее была коллега Мария Трофимовна, преподаватель английского. А в Хосте многие годы жил ее родной брат, Петр Трофимович (кстати, море он не очень любил, относился к нему, как и многие коренные жители юга, спокойно, а может, и равнодушно,

за все лето оказывался на берегу один-два раза). Вот таким образом начались поездки дикарями на юг. Замечу, даже для самого демократичного вида отдыха семья должна была откладывать деньги на протяжении года.

Авиабилеты стоили по тем временам дешево. Из Минска в Сочи можно было долететь всего за 37 рублей. Но проблема заключалась в том, что купить эти билеты было почти нереально. Очереди у касс приходилось занимать с вечера, ночевать там, участвовать в переключках. К тому же 37 рублей — это один билет. А если вдвоем, а если туда-обратно?

До юга надо не только доехать, но и где-то там поселиться. Все эти годы мы снимали жилье в частном секторе на высокой горе над городом. Замечательно, когда утром видишь со своей горы бескрайнее море... Правда, чтобы добраться до дома от дороги, надо подняться на 420 ступенек. А еще это жилье без удобств: рукомойник на улице, дощатый туалет — там же. В одном из писем из Хосты мама пишет с сомнением: «Может, все-таки надо было снять комнату или квартиру в центре города за 2 рубля (думаю, в сутки — Т. М.), чтобы каждый день пользоваться душем?» Это к вопросу об уровне доходов.

Но все эти мелкие неудобства (которые, впрочем, неудобствами никто и не воспринимал) перекрывали роскошь и невероятная красота южной природы. Бескрайнее теплое море, из которого не хотелось вылезать. Богатый выбор сочных южных фруктов. Возможность съездить на экскурсию по побережью. Или отправиться на целый день в знаменитую тисо-самшитовую рощу — реликтовый лес на восточном склоне горы Ахун. Роща каждый раз производила потрясающее впечатление — и возрастом деревьев, и тем, что растительность осталась здесь в почти неизменном виде еще с доисторических времен...

Чем ценны эти письма для меня, чем они могут быть интересны читателю? Наверное, подробностями быта, уклада жизни, через которые просвечивает контекст эпохи. Современному человеку, особенно молодому, многое в этой переписке почти полувековой давности покажется странным, а может, смешным и нелепым. «И что, вы так жили?!» Купить обратный авиабилет — проблема. Позвонить домой — только по межгороду и только с почты. Папа с юга отправляет посылку с персиками (там они намного дешевле), не зная, дойдут они целыми или подгнившими. В Минск везет по просьбе мамы мед, орехи и помидоры.

В самих письмах обращаешь внимание на то, что параллельно с вопросами быта все время идет достаточно насыщенная интеллектуальная жизнь, обмен впечатлениями: что читали, что смотрели. Тут же решаются деловые и профессиональные вопросы...

Как-то так получилось, что за прошедшие годы эти конверты я ни разу не открывала. Когда набирала свои письма, вспомнила события того времени, детали практики в «Знамени юности». Мамины письма папе читала в первый раз. Подумала: это такой накал чувств, о котором я даже не догадывалась! Ценить других, а не себя, любимого, — это особый талант, возможно, более редкий и значительный, чем, например, художественный или научный. Для меня письма родителей и семейная переписка в целом — источник радости, оптимизма. Эти письма трогательные, чем-то наивные, но неизменно милые, душевные. В них — мощная энергетика, чувство семьи. Оглядываясь назад в то уже давнее время, думаю: как это замечательно, когда тебе самой всего 20 лет, когда твои родители еще молоды и полны сил. А жизнь впереди кажется такой манящей, сияющей и такой бесконечной...

Нина Косилова

Забытый «Вадим Новгородский»

В истории русской литературы XVIII века самый яркий след оставили два произведения — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, «бунтовщика хуже Пугачёва», как назвала его Екатерина II, и трагедия Якова Княжнина «Вадим Новгородский». Если имя Радищева и его «Путешествие...» известны со школьных лет, то имя Княжнина, его творчество знакомы лишь узкому кругу исследователей истории русской литературы и русского театра.

Фамилия Княжнин встретилась мне неожиданно — во время поисков информации о писателях-картежниках (а Яков Борисович играл). Подумалось: не связан ли он каким-то образом с Франтишком Дионисием Князьниным, польским и белорусским драматургом, поэтом, уроженцем Витебска, — уж очень созвучны их фамилии? Предположение оказалось верным: оба из одного дворянского рода.

Творчество Княжнина хорошо знал Пушкин. Из его пьес поэт взял эпиграфы для трех глав «Евгения Онегина», сочинил эпиграф в стиле Княжнина к «Капитанской дочке». Имя драматурга упоминается в первой главе «Евгения Онегина» в строках о театре:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин...

Яков Борисович Княжнин родился в 1740 или 1742 году в Пскове в семье вице-губернатора. Воспитывался дома до 16 лет, позже уехал в Санкт-Петербург, где обучался в гимназии при Академии наук. Писать начал еще в

школьные годы. Автор трагедий, комедий в стихах и прозе, комических опер, стихотворений, переводов Корнеля, Расина, Вольтера, других авторов, которым подражал и у которых часто заимствовал, за что и был назван Пушкиным «переимчивым». Дебютировал в 1769 году трагедией «Дидона», ставшей его первым напечатанным произведением. Премьера «Дидоны» состоялась сначала в Москве, потом в Петербурге в придворном театре. Трагедия была отмечена императрицей, не сходила со сцены более сорока лет, а ее автора еще в начале XIX века называли творцом «Дидоны».

Самой известной пьесой Якова Княжнина стала трагедия «Вадим Новгородский». Она была написана в 1789 году, готовилась премьера, но события Французской революции, казнь Людовика XVI стали для Екатерины II шоком. При дворе был объявлен шестинедельный траур, сама императрица заболела. Боясь распространения «французской заразы», Екатерина II начала активное цензурное преследование. Сначала ему подвергся Александр Радищев, затем — Яков Княжнин. Казалось, ничто не предвещало такого печального поворота в судьбе пьесы и ее автора, бывшего вторым драматургом после Сумарокова. Кстати, на дочери Сумарокова Екатерине, ставшей одной из первых русских женщин-писательниц, Яков Борисович был женат. Пьесы Княжнина в 1780—1790-х годах составляли репертуар российского театра, пользовались неизменным успехом, особенно комедии. Не обошла вниманием драматурга и императрица, которая распорядилась напечатать его произведения в 1787 году «на счет Кабинета ее величества, целиком в пользу автора». Расположена к Княжнину была также Екатерина Дашкова, директор Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, президент Российской Академии, в члены которой драматург был принят в 1783 году. Но, несмотря на все это, от опалы и возможной ссылки после «Вадима Новгородского» Якова Борисовича избавили только болезнь и смерть в 1791 году...

В пьесе «Вадим Новгородский» Княжнин обратился к полулегендарному событию — мятежу XIV века в Новгороде под предводительством Вадима против призванного князя Рюрика (в пьесе он назван Руриком), с которого началась династия российских монархов. О мятеже сообщает Никоновская летопись. И все же вопрос, был ли такой исторический факт, и сейчас остается нерешенным. Кстати, Княжнин не первый, кто воплотил образ Вадима Новгородского, первой стала сама Екатерина II, написавшая 14 комедий, 5 комических опер, 3 исторические драмы, в числе которых «Историческое представление из жизни Рюрика», где предводитель новгородцев упоминается эпизодически.

Трагедия «Вадим Новгородский» была издана в 1793 году, спустя два года после смерти Княжнина, в том же году планировалась публикация в журнале «Российский феатр». Текст был найден в его бумагах вместе с другими пьесами опекуном детей, псковским помещиком П. Чихачевым. Рукописи пьес, в том числе «Вадим Новгородский», попали к книгопродавцу Ивану Глазунову. Не имея своей типографии, он отдал их в типографию Академии наук, президентом которой была Екатерина Дашкова...

О публикации крамольной драмы Екатерина II узнала из доноса фаворита и срочно приступила к ее уничтожению, наказав сенату рассмотреть пьесу. После трех заседаний был вынесен вердикт: «Достойна сожжена быть публично за дерзкие

против самодержавной власти выражения». Её Екатерина II, считавшая себя ученицей Вольтера, подтвердила секретным указом. Тайная канцелярия приступила к выявлению причастных к изданию текста, в круг которых были включены Дашкова, Глазунов, вдова и сын автора.

Книгу стали изымать из продажи, во все наместничества рассылались указы, обязывавшие присылать в Санкт-Петербург экземпляры, попавшие в книжные лавки и купленные частными лицами. Известно, что только 5 наместничеств из 38 вернули выявленные экземпляры, среди них и Могилевское, вернувшее один экземпляр. Конфискация продолжалась на протяжении двух лет, выявленные экземпляры были сожжены на Александровской площади в Санкт-Петербурге у Александро-Невской лавры вместе с вырезанным текстом пьесы из журнала. Считают, что весь тираж — 1212 экземпляров — изъять не удалось. За три месяца, прошедших со времени выхода книги до начала следствия, часть книг была распродана. А вот журнал «Российский феатр» с текстом драмы в продажу еще не поступил — был опечатан в типографии, и текст из него вырезан. Но кроме печатных изданий имели хождение рукописи пьесы, поэтому читающей публике трагедия была известна.

Эстафету цензора Екатерина II передала Павлу I, при котором надзор за печатью стал еще жестче. Трагедия не была напечатана ни при Александре I, ни при Николае I. Только в 1871 году библиографу, историку русской литературы, публикатору и комментатору сочинений русских писателей Петру Ефремову удалось перепечатать «Вадима Новгородского» в «Русской старине» (т. 3, № 6), но без крамольных строк: «Самодержавье, повсюду бед содетель...» и др. Без них трагедию напечатал и Александр Бурцев в 1901 году в своем «Библиографическом описании редких и замечательных книг». Полностью трагедия Княжнина увидела свет только в 1914 году в Москве в типографии Мамонтова, но она была издана с некоторыми текстологическими искажениями и незначительным тиражом — 325 экземпляров. А впервые после 1793 года подлинный текст «Вадима Новгородского» был напечатан в сборнике «Русская литература XVIII века» в 1937 году.

В фонде старопечатной и редкой книги Национальной библиотеки Беларуси хранится три уникальнейших экземпляра трагедии «Вадим Новгородский» с владельческими надписями, напечатанные в 1793 году. А также экземпляр, вышедший в 1914 году в Москве.

Ольга Русилко

Время любить и верить

Рецензия на книгу Тамары Красновой-Гусаченко «Пришли времена»

Эта стильно, без излишеств, оформленная книга с глубоким, зовущим к размышлению названием «Пришли времена...» уже тридцатая, юбилейная, в творчестве известной и любимой многими витебской поэтессы Тамары Ивановны Красновой-Гусаченко. А юбилей всегда дает повод для более пристального взгляда на поэзию автора, ее неповторимые особенности и ценности, на значение творчества писателя для литературы в целом и каждого читателя в частности. Тем более что поэзия Тамары Ивановны не лишена внимания профессиональных литературоведов, которые чаще всего не жалуют региональных, так сказать, авторов. Только не в этом случае, ведь о творчестве Т. И. Красновой-Гусаченко

писали основательные статьи доктора наук В. В. Гниломедов, Т. И. Шамякина, А. В. Русецкий, известные критики А. А. Мартинович, Н. Т. Чайка, М. П. Кузьмич и многие любители литературы. Следовательно, есть на что опереться, процитировать и объективно оценить новый сборник стихов.

Зная, что первая книга Т. И. Красновой-Гусаченко «На одном дыхании» (1999 г.) опубликована 25 лет назад, поражаешься творческой активности поэтессы, умело совмещающей непростые обязанности руководителя Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси с ролью матери, бабушки и, прежде всего, творца высокого искусства. Тамаре Ивановне свойственна активная жизненная и гражданская позиция, равнодушие к тому, что происходит в мире и в душе каждого человека. Силы ей придает Любовь, пронизывающая все творчество поэтессы и являющаяся основным мотивом всех ее книг.

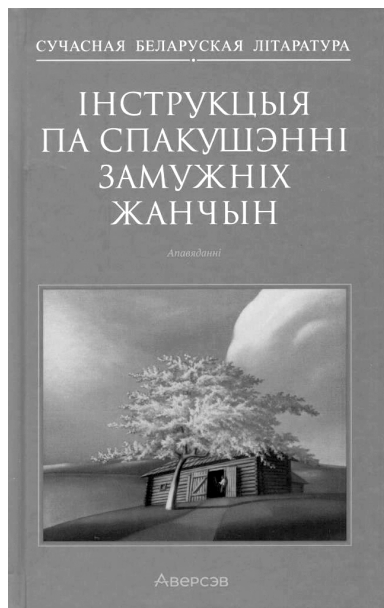
...Я рождена была поэтом:
Чтоб раненой и битой быть,
Превозмогая злобу, зависть,
И чтоб — любить. Любить, любить!
Чтоб в мире — лишь любовь осталась...

Людмила Марковская

Великолепная десятка

Рецензия на сборник рассказов «Інструкцыя па спакушэнні замужніх жанчын»

У человека можно отнять почти все. Но у него невозможно забрать впечатления. Это одно из наших главных богатств.

Недавно мое внимание привлекла книга из серии «Сучасная беларуская літаратура» издательства «Аверсэв» с яркой романтической обложкой (репродукция картины Егора Батальонка «Райская яблоня») — пронзительно-голубое небо, розовые облака и одинокий тоскующий мужчина под буйно цветущей яблоней...

Не менее интригующим оказалось название — «Інструкцыя па спакушэнні замужніх жанчын». Думалось, что автор — какой-нибудь эгоистичный нарцисс, преуспевающий пикапер-альфонс, беззастенчиво соблазняющий слабый пол и имеющий для этого массу наработанных приемов. И читатели смогут узнать секреты и правила соблазнения.

Но оказалось, что передо мной очень серьезная, глубокая и неординарная проза, что этот сборник составлен из рассказов писате-

лей, родившихся в 50—60-е годы XX века. И характер поколения, счастливо росшего в одной стране, а затем вынужденного выживать в другой, освоить интернет и другие новации XXI века, безусловно, нашел отражение в рассказах.

Великолепная десятка — Геннадий Авласенко, Алесь Бадак, Алесь Бычковский, Виктор Воронец, Наум Гальперович, Алесь Кожедуб, Миледий Кукуть, Владимир Мажилковский, Виктор Шнип, Владимир Яговдик — это люди, сделавшие себя сами, не поддающиеся мнению большинства, избегающие банальности, способные на глубокие чувства. Они пишут по-разному, конечно, но думают в унисон.

Каждый из вошедших в сборник рассказов — трогательная история, в которой безупречная сюжетная канва служит только рамкой для повествования о вещах куда более сложных, тонких и глубоких. «Усе яны досыць пранікліва стараюцца зазірнуць у сутнасць чалавека, спрабуюць разабрацца, што з’яўляецца для выбраных імі ў героі персанажаў галоўным, найбольш вартым у паводзінах, учынках, ці здольныя героі твораў на правільны выбар...» — пишет в предисловии к сборнику председатель Союза писателей Беларуси Алесь Карлюкевич.

Все без исключения рассказы — стройные, оригинальные, способные тронуть ум и сердце читателя. Проза эта вынуждает не просто пробежать глазами текст, а пропустить сказанное глубоко внутрь души. Главные ее достоинства — интересные сюжеты, увлекающие рассказчики, стиливое разнообразие, философский подтекст, многоплановость.

КОНЕВ Федор Егорович. Родился в 1935 году в селе Мужы Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Автор книг прозы «Сполохи» и «Снегопад». Участвовал как автор сценариев в создании более двадцати фильмов. Живет в Минске.

ПОЛЕЕС Елизавета Давыдовна. Родилась в 1947 году в Могилеве. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников и книги переводов. Живет в Минске.

ЛАЗУТА Людмила Павловна. Родилась в 1954 году в деревне Едначи Гродненской области. Окончила Минский государственный медицинский институт. Врач, педагог. Автор нескольких книг прозы. Живет в Минске.

МАКСИМОВИЧ Валерий Александрович. Родился в 1962 году в деревне Троянец Логойского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, литературовед, критик, доктор филологических наук. Автор ряда поэтических книг. Заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси. Живет в Минске.

ВЛАСКО Дмитрий Александрович. Родился в 1970 году в городе Днепрпетровске (Украина). Окончил Витебский Ордена Дружбы народов медицинский институт. Врач акушер-гинеколог. Живет в Минске.

ДРОБЫШЕВСКАЯ Валентина Станиславовна. Родилась в 1972 году в деревне Большая Рогозница Мостовского района Гродненской области. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор нескольких поэтических сборников и книг для детей. Лауреат литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

ДОРОШКО Дарья (Татьяна Леонидовна). Родилась в 1977 году в Гомеле. Окончила Гомельское медицинское училище, филологический факультет Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Поэт. Автор нескольких книг лирической поэзии. Лауреат многих литературных конкурсов. Живет в Гомеле.

ОБУХОВСКАЯ Татьяна Иосифовна. Родилась в 1970 году в городе Мосты Гродненской области. Окончила филологический и юридический факультеты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Стихи печатались в республиканских периодических изданиях и коллективных сборниках. Живет в агрогородке Дубно Мостовского района Гродненской области.